

BALTIJAS FORUMS
БАЛТИЙСКИЙ ФОРУМ
THE BALTIC FORUM

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС – НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

ОТЧЁТ О КОНФЕРЕНЦИИ *

29 МАЯ 2009 Г., РИГА

* МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ ПЕЧАТАЮТСЯ С СОКРАЩЕНИЯМИ. ПОЛНАЯ СТЕНОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ ДОСТУПНА НА САЙТЕ «БАЛТИЙСКОГО ФОРУМА» WWW.BALTICFORUM.ORG.

Ответы на глобальный кризис – национальные или глобальные?

*ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ, президент фонда
«Институт энергетики и финансов»
(Россия)*

Мы в середине очень тяжелого периода. Кризис лечит от многих болезней, в том числе от всяких искусственных политических проектов. Мне кажется, что, хотя тема конференции «Глобальный вызов – национальный ответ», во многих отношениях «группа двадцати» пытается найти универсальное решение, предотвратить протекционизм, протекционистские войны, найти такие выходы из ситуации, в которых минимизируется потеря населения, бизнеса и правительств.

Финансовый шок, который предшествовал промышленной рецессии, синхронизировал кризис по странам, по отраслям. Кризис идет примерно в одних и тех же отраслях по всему миру и нет таких островов благополучия, куда можно бы было увозить товары. Если Китай сохранит относительную независимость, он, конечно, может сам выйти чуть раньше из кризиса. Но Китай экспортер промышленных товаров, а не импортер, он не вытащит остальных.

Кризис переехал из США в Европу, он не равномерен по странам, но в целом Европа впервые испытывает падение промышленного производства с 30-х годов. За этим пойдет безработица, проблема бюджетных дефицитов, и летом придется очень многим странам, в том числе и сильным странам, не имеющих каких-то тяжелых особенных проблем, придется подумать над бюджетами.

Восточная Европа находится в гораздо более тяжелом положении, чем Европа в целом, в принципе это центр кризиса, если иметь в виду не откуда он идет и где его тяжесть, а где его наиболее тяжелое проявление.

Если говорить о России, то Россия, конечно, выдержит этот кризис и по резервам. Люди психологически готовы выживать, нет панического настроения, хотя в ряде мест очень тяжело по

безработице, особенно в моногородах, где одно предприятие.

Финансовые потоки перед кризисом примерно были 30-40 млрд. в квартал из развитых в развивающиеся страны. И к ноябрю 2008 года мировая финансовая система встала, т.е. она перестала передавать деньги из финансовых центров в развивающиеся страны. Сейчас мы будем переживать период примитивизации финансовых инструментов, переход больше к государственным гарантиям, банкам развития, самофинансирования.

Возобновление некоторого финансирования, это суверенные бумаги, бизнес, все еще стоит, капиталовложения падают во всем мире. Вторичные эффекты начали появляться в услугах, сокращается туризм, автоперевозки, рестораны, посещение музеев и театров. Соответственно идет потеря капиталовложений.

Немного про энергетику. 60 \$ - это минимальная цена, при которой вообще рентабельна какая-то более или менее традиционная деятельность крупных международных энергетических компаний. ОПЕК и развивающиеся страны сократили предложение и обеспечили равновесие на рынке. Надо понимать, что в развитых странах сокращение добычи на старых месторождениях идет по 7% в год, в ОПЕК по 3%. Часть добычи упала и сейчас будет избыток несколько лет, но через несколько лет, если не будет новых капиталовложений, снова может быть сильный взлет цен. Поэтому я скорее ожидаю, что ГАЗПРОМ сделает свой северный, южный поток не смотря ни на что. Потому что северный проект, это любимый проект ЕС, всеми одобренный и важный для ЕС проект, для возобновления экономического роста. Изменение в Европе в модели газового поведения будет, но оно возьмет десятилетие.

В частности к программе «20-20-20» мы относимся с огромной симпатией. Но 20% доли возобновляемой энергии в Европе к 2020 году величина совершенно не реальная. Европа прошла с 7% до 8,5% за последние 12 лет. Пройти в условиях кризиса путь от 8,5% до 20% не реально.

Появление дефолтов крупных компаний, угроза для General Motors, угроза на Украине, трудности в Прибалтике, тяжелое положение в ряде отраслей мира призывают к совместным усилиям, к поиску решения острых финансовых и экономических проблем и к снижению политической риторики.

ALAN RILEY, Professor of Law, City Law School, City University, London

Everybody is aware of the fact that for most of Central and Eastern Europe huge amount of gas supply comes from Russia – less so in Western Europe, but increasingly so. There is a lot of concern, particularly after the Ukraine-Gazprom crisis earlier in the year, about Russian gas supplies. And this is seen as a very, very big issue. Now, my argument is, that when you look closely at this, and when you look at the recession, you begin to see that this argument and this perception is likely to be enormously changed by a series of factors, but the recession is the really major driving issue.

Now if you look at Gazprom at the moment, for example, you see what is perceived as this dominant, powerful energy player. And it's clearly true that in the last few years Gazprom has been tremendously successful in many ways. But the truth of the matter is that beneath that success you've got a number of very serious problems, and these now being magnified by the recession. And the magnification of them you can see in the problem recently, of course, with the recession: there's less need for industrial supplies of gas. You see enormous demand destruction. You've also seen, because of the link between the oil and the gas price, a massive fall in the level of price that gas can obtain. It's fallen from around 400 dollars per thousand cubic meters last year to around 280-250 dollars per thousand cubic meters this year. That's an enormous fall. And the projections for this year are over 20 billions dollars losses to Gazprom alone. And meanwhile, what we're seeing as a very clever play last year that is an enormous capture by Gazprom of Central-Asian gas at European prices, now looks like a very severe problem: you've effectively bought gas at European prices from Central Asia and now there is huge loss of actual ability to sell it in the West, because of the recession, in

addition to which you have got the problem that Gazprom has about 40 billion dollars worth of debt and 10 billion dollars worth of debt has to be rolled over to be refinanced this year. In addition to that you've got a collapse in your revenue, you've got huge demands for debt repayment, in addition to which Gazprom is ploughing ahead with Nord Stream, with South Stream, with Yamal, with Shtokman, with all these major capital projects, so there's huge pressure on the company.

Now, of course, the response to that is to say that, well, at the end of the day all prices are rebounding a little at the moment, so the oil price will ultimately rebound and that will allow Gazprom to pull its revenue back and all will be well. And of course, there is a lot in that story: the difficulty is that you're not looking at what's happening in the rest of Europe and looking at the effects of recession on the energy markets at Europe. And my argument is that this will fundamentally transform the energy markets and the business models which will work in Europe. And one of the business models which is affected is the dominant encumbered monopoly model adopted by Gazprom. And let me explain why: the problem is that in a recession like this, in a great recession, one of the really big issues for any state is the need for cash. You need enormous amounts of cash to fund social programs, to fund pensions, to keep things going. And one of the ways of dealing with the problem is to look at state assets you no longer need, you can sell relatively easily and still keep everything running. Now, one of the ways for a lot of European states to deal with this is to adopt energy liberalisation, because the point of energy liberalisation is that it normally involves breaking up your domestic energy companies: creating a separate energy company which runs the gas pipelines and having separate supply companies as well. Now when you do this, of course, you largely sell these off, you sell them off to the private sector and you actually generate huge amounts of returns. The experience in the UK when we broke up and sold off British Gas was that the two new companies created out of it, the generating companies and the network company were worth ten times more than they were worth when they were together. So the potential for a lot of states to generate very significant capital gains and

revenues is there. And in those circumstances energy liberalisation is going to go up the political agenda as a lot of politicians across Europe realize that energy liberalisation is one way of generating significant capital gains.

Now the point about this is that if you have energy liberalisation, you create lots of incentives for the development of new inter-connectors and you create the possibility of a lot more gas coming in from elsewhere. In other words you widen the market, and as a result of widening the market and allowing new gas in from elsewhere you create competitors to Gazprom. So one of the points about recession is that it could act as a means to encourage liberalisation and create more competition for Gazprom.

Now the second problem is this, and this is largely from the United States, and it's the development of what is known as unconventional gas. Unconventional gas is gas locked, for example, in a rock shell, in impermeable rock formations. Now, traditionally that's not been accessible, however, in the last few years some American companies largely based in Texas have found ways of cracking impermeable rock formations and extracting gas relatively cheaply.

The consequence of this has been enormous. Currently unconventional gas from rock shell, tight sands and coalbed methane makes up about 40% of US gas supply. Last year US gas production increased 99% because of the unconventional gas. The point about it is that in Western Europe alone there is approximately 30 trillion cubic meters of gas from unconventional gas sources. That is the equivalent of two-thirds of the total Russian reserve. Now the point about it is that already this has attracted tremendous interest: Exxon, Shell, OMV and MOL are all busily checking out a lot of the unconventional gas resources. In the next five years we can expect very substantial development of unconventional gas across Europe. And in those circumstances what we're likely to see is that gas coming on stream, the states being very keen to issue exploration and production licences, which is already beginning to happen, and a very substantial gas supply developing.

So the consequence of all of this is that you begin to see a very different shape to European gas markets, a much more liberalised gas market, incentivised by recession, alternative sources of gas supply, particularly unconventional gas, pushed by the states because it will generate them substantial tax revenues. In addition to which, one of the other points about it is that a lot of major energy companies have invested enormously in liquid natural gas. The initial idea was that a lot of LNG would go to the American market, but now with unconventional gas they won't need it, so in addition to the shell gas and unconventional gas supplies, you got to have a lot of LNG heading for Europe as well. So you got the unconventional gas, you got the LNG; you got a much more liberalised European marketplace. Meanwhile, Gazprom has been substantially battered by the recession and it will find itself post-recession in a market in which there is a significant degree of strong competition from elsewhere.

I've met many people from Gazprom over the years and many of them are very, very bright and capable and I'm sure they're capable of transforming Gazprom and the Russian gas companies round to deal with this threat. But it will involve fundamentally changing the business model. It will involve massively increasing gas production so that you can compete on the European market, and the basics of gas-to-gas competition, and will require a much more commercial market approach.

АЛЕКСАНДР ДЫНКИН, директор ИМЭМО РАН, академик (Россия)

Если говорить о текущем кризисе, то соглашусь, что это глобальный кризис, помноженный на информационные технологии, который распространяется по миру по разным отраслям, но в режиме реального времени и в этом новизна ситуации.

Какой выход я вижу. Во-первых, попытка в рамках «20-ки» решать какие-то вопросы. Есть тенденция, она видна и эта тенденция, на мой взгляд, не позволительная роскошь превращать «20-ку» в некоторое подобие ООН. Конечно, я больше верю в адекватность национального регулирования, прежде

всего, в США и в Великобритании, они должны принять серьезные изменения регулирования своих финансовых рынков.

Мало, кто понимает причину, глубину и масштабы кризиса. 8 октября Мировой фонд опубликовал прогноз на 2009 год, где у него было +3,2, а в конце апреля было -1,3. Такая чудовищная ошибка, говорит о том, что мы столкнулись с не очень понятным явлением.

Поэтому я думаю, что ответ – национальное регулирование, работа в рамках «20-ки». Мы все знаем, что в Вашингтоне было заявлено, что протекционизм это плохо, тем не менее, 17-ть стран из 20-ти приняли протекционистские решения, которые нанесли удар по мировой торговле, превышающий 1 млрд. \$.

JONATHAN POWER, contributing editor to Prospect magazine (London); former foreign affairs columnist for the International Herald Tribune

I'm going to talk about Africa. The darkest thing about Africa is our ignorance of it. And this is true, this has been true for hundred or more years, it's even truer today, when in all this debate about recession hardly anything has been said in our newspapers and our media about the plight of the poorest continent in the world.

Ben Okri, my mind, is one of the greatest living writers in the English language. A few years ago he won the Booker prize which is the main prize for novelists in Britain. And in his great book, "The Famished Road", he wrote: "Everywhere there was the crudity of wounds, the stark huts, the rusted sink abodes, and the rubbish in the streets. Children in rags and little girls naked in the sand playing with crushed tin cans. The sun bared the reality of our lives and everything was so harsh, that it was a mystery we could understand and care for one another or for anything at all."

Needless to say, Africa is having great setbacks today, just like the rest of the world, but most of it is not retreating to the state that existed before, although you will find outrageous, near-universal poverty in some countries like Sudan, Congo, Guinea, Central-African Republic, Malawi and Chad. The big

world crisis has hit Africa hard. Commodities, which have been an important part over the last few years accounting for African growth, the exports of these are down. And, of course, the oil-producing countries, Nigeria, Angola, Guinea; have been particularly hit by this. But non-traditional exports – flowers from Kenya, for example or vegetables from Uganda, mainly selling to Europe have managed not to be so significantly hurt.

Some would say there was another factor that preceded the recession by a year or so, which was food prices; they went up very sharply, and people say that this has hurt Africa. I don't think this is true of the food-producing countries. Take Nigeria, where in recent years agricultural production has increased by a very healthy 7.5% a year. And last year, when I was in Nigeria, I went out to the rural areas, where they were growing and processing their main crop – casaba. The high prices, farmers told me, were encouraging them to plant more and to process more. And this has been true all over Africa, where the urban sector is not too large and the rural areas, which still hold the majority of the population in all these African countries have benefited from these higher prices.

A third hit for Africa is that it's been crowded out of the credit markets because of the present crisis, just as countries like Nigeria and Ghana were preparing for the second time in recent years to float bonds on the international market. As we all know there is a great effusion of bonds from the Western world in particular, and it becomes too expensive for the market to think of buying African bonds. But Ghana, who is the first leader in this, had actually got to the stage where it could dispense with foreign aid and concentrate on the bond market. That has been shattered, at least temporarily.

And then aid, foreign aid, which is a mixed blessing, in my opinion. And if you want the argument against it, you should read the new book by the Zambian female economist who used to work for one of the major banks in the US in a very high position, although she's very young, a woman called Dambisa Moyo, who has put the argument against aid. But nevertheless, aid is yardstick in the G8 for how much they want to help Africa. This has gone down, and I think in Russia it has also gone down.

So those are the negatives; now, let's look at the positives: until the present crisis, Africa as a whole, and I am talking about black Africa, was growing 7% a year on average. Now that's an average; obviously, countries like Sudan or Ethiopia or Congo, etc., Malawi were pulling that average down. So it means a lot of countries were over the average. Now compare this with the early 1990's, when economic growth on average was 1% a year. That is an incredible jump, by any measure of any economy in the world, from 1% to 7%. In fact, Africa in that period, believe it or not, was the fastest-growing continent in the world.

Today, the International Monetary Fund say that for this year and the next year, probably, the growth rate will be down to 3%. But that is still rather better than what has been forecast for the rest of the world, which is an average of 0.5%.

One way to measure the success of Africa is the mobile phone revolution; some of you, unfortunately, may call it the cell phone. One in three black Africans have mobile phones. And again, that is an average, it means in some countries you've got eighty percent usage, even in the poor rural areas, where they still live in small houses made of mud. I remember only a year ago sitting on a plane and next to me was a Dutch telecommunications engineer and I said "Where are you going?" and he said "I'm on my way to Congo". And we all know that Congo, the biggest country in Africa, has been at war with itself for what, 40 years? And today it's a total mess, there are no railways functioning anymore, there are hardly any roads, river traffic is down, because the ships don't work anymore. But he told me that in the Congo they're using special trucks with enormous power to go through the rural areas, the backwaters of the Congo, through the forests, through the savannah and plant masts for the signal of the mobile phones. This, to me, was an incredible statement. In Africa with mobile phones they're ahead of us! With my phone, which is a Swedish phone (and I have a Swedish wife, although I'm British), in Tanzania and Kenya, where again I was last year, you can use your mobile phone to check on bank accounts, to send money to relatives in distant villages, you can pay your bills; all this has probably added 1% to Africa's economic growth. But I'll say

another thing: Africa may be poor, but I think there's a lot of money in aggregate, stacked under the mattress, and has been for a long time.

Now, another good thing that persists even in the recession – population growth, which has long been a bugbear of Africa, is still falling. Contraception in some countries is up to about 50% of the population; that doesn't really go down in a time of recession.

A third thing is the number of stock markets that have opened in Africa. Even in war-torn Rwanda.

Fourth, there were, until the present crisis, seventeen countries with credit ratings opening the doors to the arrival of private capital. Around 500 stocks are traded in these stock markets; 85% of those are non-commodities.

War is now very rare in Africa; it's fallen faster than any other continent in the world. Only in Congo, Chad and the Sudan even in this time of recession and growing problems there has been falling war.

Banks, luckily (and I'm talking about the last ten years) all this period of time have been very conservatively run. Luckily, the foreign ownership of banks is small, controls on foreign exchange have limited banks from investing in the new fangled financial instruments that now plague the West. Thus, African banks have had almost no exposure to the sub-prime crisis, so there is no systemic risk for the African banks. Corruption, too according to Transparency International has been falling. And this has got nothing to do with the recession, this is a long-term trend. Likewise democracy, according to Freedom House in New York that measures democracy all over the world – 33 African countries are now free or partly-free. In 1980 it was only 18.

Of course, in summary I would say, all this achievement, not all of it, but let's say 65-70% of it has been set back by the present crisis. But beneath the crisis in its African variant, many of its citizens are ready to go, e.g. the mobile phone. Just as private capital which was on a fast increase before this recession returns, before commodities and oil prices start to turn up, and already we've seen that, we saw it on one of the graphs just here, and when business confidence returns,

then Africa, I believe, will carry on progressing - not just in a range of 7.5% on average, as it was before, but perhaps going up to 8% or 9% or even 10%. I say again: the darkest thing about Africa is our ignorance of it.

JUSTAS VINCAS PALECKIS, Member of the European Parliament, Lithuania

After five years in the European Parliament I would say that never the atmosphere, the mood in our socialist group and in the Parliament in general never was so grim; and it is understandable. On the other hand, everybody, including even a part of Euro-sceptics would admit that without having the European Union this financial and economic crisis would have affected Latvia, Lithuania, old and new member states, much harder. As to new member states, I would say that Slovenia, Slovakia, Czech Republic, Poland are in more or less stable situations – they don't want to rely on the help of the European Union, and it is interesting that in these states the shock therapy during this transition period was at light in a milder way in comparison to the Baltic states, Hungary and some other states. Of course, Romania, Bulgaria, Hungary especially and the three Baltic states are now in a more difficult situation, and we hope for the support of other EU states. The problem, however, is that SOS signals are heard from various parts of Europe and the world. And in the case the economy of Eastern-Europe collapses, the situation in the economy market worldwide can get catastrophically bad. But much worse situation can be if by rescuing Eastern-European economies we will ruin German and French economies – the engines of the EU. Finally, who will now save Ukraine, which is on the verge of collapse as a state?

In my opinion in this situation especially important is better understanding and cooperation between the EU and Russia. Two years ago José Manuel Barroso, president of the European Commission said that “EU needs Russia; Russia needs EU”. I believe that it was important two years ago, now it is much more important. So unity and solidarity should not be just words in front of the crisis within EU and regarding also the neighbours of EU states. This crisis should in my opinion serve for tighter unity among the states and for better understanding with

their neighbours.

And as for EU, it is especially important now to ratify the Lisbon Treaty. If we will fail for the second time, the consequences will be unpredictable. And of course it was interesting to see in front of this building of Black-heads young Latvian citizens which are distributing these Euro-sceptic leaflets and calling for voting against the Lisbon treaty. But of course, democracy is democracy.

Socialist group in the European Parliament rejects the slogan “everybody should rescue themselves in the time of crisis” and we believe that protectionist tendencies are a disastrous and especially disastrous for smaller EU states, because bigger ones can of course benefit from their larger markets. Moreover, such tendencies as protectionism and nationalism can influence a chain of collapses; and we discussed in our group that this worst-case scenario, the collapse of eurozone, would mean a return to national currencies and it could lead to monetary war. Protectionism could lead to a trade war, whereas an introduction of duty customs could ruin the common market, and finally lead to economy war among the EU member states. From here there is only one step toward political hostility, conflicts and wars, towards the revival of old images of enemy which have been prevailing in Europe for centuries. In short, Europe can return to unstable and war-like situation as it used to be in the eve and after the 2nd world war, until Europe has been united. The latter situation would be much worse than ten crises at a time. We should avoid such a situation and I'm sure that we have enough capabilities and enough political will to do it.

ИГОРЬ ЮРГЕНС, председатель правления Института современного развития (Россия), председатель Наблюдательного совета международного общества «Балтийский форум»

Поскольку был вопрос - готова ли Россия вступить в общий рынок и заниматься свободным рынком в масштабах всей Европы, я бы хотел подчеркнуть две вещи.

Первое, если европейские партнеры готовы до конца этого года серьезно заняться нашим вступлением в

ВТО, а это уже 14-й год мы с вами разговариваем, вы подписали от имени ЕС общие правила вступления, но, серьезно говоря, начинаете создавать нам массу проблем. На самом деле у нас не осталось никаких проблем с вступлением в ВТО, мы все сделали и выполнили, что надо было. В России есть масса людей и политическая воля, чтобы сделать общий рынок и стратегически двигаться к более тесному сотрудничеству с ЕС в перспективе может быть и к стратегическому союзу.

Сказав это, не могу не сказать, что ЕС имеет различные в отношении нас цели и задачи. Старая Европа одни, а Новая Европа несколько другие. Поэтому это сложный процесс, он сейчас проявился в полный рост, особенно когда ЕС не пригласил Россия в Прагу на запуск проекта, который называется «Восточно-европейское партнерство». Есть масса политических условий, особенно страны новых европейцев, у которых есть исторические претензии к СССР и России, мы их не отрицаем, но если это доминанта одержит верх, конечно, о европейском общем рынке, включая Россию до Владивостока, придется забыть.

*МИХАИЛ ЕВДОКИМОВ, заместитель
директора Департамента
общеευропейского сотрудничества МИДа
России*

Пару слов о сотрудничестве России и ЕС в преодолении финансового кризиса. Так уж совпало, что в мае прошлого года мы впервые на саммите России и ЕС стали обсуждать эту тему. Нам показалось, что отношения России и ЕС достигли такого уровня, что мы можем обсуждать не только темы отношения между нами, но и глобальные экономические проблемы. Тогда России и ЕС было ясно, что выход из этого кризиса невозможно найти даже на региональном уровне и только тесное международное сотрудничество позволит решить эту проблему.

На саммите в Ханты-Мансийске в мае этого года в какой-то степени был подведен итог этого сотрудничества. И как сказал президент России, это сотрудничество пока, к сожалению, достаточно инертное.

Поэтому российский призыв к нашим коллегам в ЕС был, что нам надо обсуждать не меры, которые принимают стороны по преодолению кризиса, а на фазе обсуждения этих в ЕС и России вместе обсуждать и смотреть, чтобы меры одних не приводили к негативным последствиям других.

И последнее. Мне кажется очень важным замечание президента России в Хабаровске, и здесь я скорее поддержу г-на Палецкиса. Президент России сказал, что евро сыграло очень положительную роль в определенном нивелировании смягчения кризиса, что если бы не было евро, а вся торговля основывалась только на долларе, кризис, как в странах ЕС, так и в России, был бы гораздо более глубоким.

ЮСТАС ВИНЦАС ПАЛЕЦКИС

Я согласен, что события в Грузии, этот конфликт действительно негативно повлиял. Но надо признать, что искаженное представление о том, что произошло, очень снизило авторитет России, в том числе и в Европарламенте. Я сожалею об этом. Сейчас по не многу все возвращается к истинной картине.

О восточно-европейском партнерстве, куда не пригласили Россию. Россия не хочет участвовать в этом партнерстве. Евросоюз предлагал не раз. Я очень рад, что как раз политика изоляции Белоруссии, которую проводил ЕС, она сейчас провалилась и наша фракция социал-демократов в Европарламенте все время говорила, что Белоруссию надо включать в это партнерство, и Молдову надо включать. А с Россией стратегические отношения и Россия не совсем подключается к этому партнерству, поэтому так и получилось.

АЛЕКСАНДР ДЫНКИН

А почему бы не объявить партнерство в следующем сочетании – ЕС, Россия, восточно-европейское партнерство.

*СЕРГЕЙ ЧЕРНЫШЕВ, директор
Департамента внешнеэкономических
отношений Министерства экономического
развития РФ*

У меня есть линия мысли как раз о только что названном треугольнике. Если посмотреть на 15 лет назад, с интересом обнаруживается, что предыдущий мега кризис Россию затронул еще больше, чем текущий. Собственно, это был кризис, результатом которого был распад СССР. Парадоксальная мысль приходит в голову, что радикально экономическая ситуация не поменялась на постсоветском пространстве. Как была зависимость наших стран от ограниченного круга экспортируемых товаров, так и осталась. Как были структурные проблемы экономики в России, в других странах, не исключая при этом Балтию, так и остались. Как были недоинвестиции в сектора промышленности и сельского хозяйства, которые определяют научно-технический прогресс, так и остались.

Поэтому вывод напрашивается очень простой, нам нужно просто создать в отмеченном треугольнике нормальную договорно-правовую базу, которая бы не противопоставляла наши страны на большом евразийском пространстве, а учитывала все интересы. У России, например, ключевым интересом является энергетика. Это и интерес ЕС, это наш общий интерес. Не будет решения, учитывающее балласт этих интересов, не будет и работающего интегрированного пространства. У стран Центральной Азии таким интересом является обеспечение стабильных поставок своих энергоносителей, сырьевых товаров на разные рынки, в том числе и Европу, и Китай, с учетом транзитных возможностей России это и урегулирование на долгосрочной основе водно-энергетической проблемы Центральной Азии. Есть вполне понятные ключевые интересы. Их нужно все сбалансировать между собой, используя долгосрочные договорно-правовые решения. Возможность для этого есть, кризис в этом смысле, мне кажется, предоставляет возможность это отрегулировать, ускорить принятие этих кардинально важных для нас решений.

Вызовы глобальной и региональной безопасности в эпоху экономической турбулентности

ИГОРЬ ЮРГЕНС

В отличие от времен Холодной войны, между Россией и США в настоящий момент отсутствует даже понимание того, в чем состоит главная проблема наших отношений. Полтора десятилетия Москва добивается от Вашингтона признания СНГ сферой наших интересов, учета российской озабоченности в организации европейской безопасности, сдержанности в военно-стратегической, военно-технической области. Неготовность американских администраций пойти на встречу Москве и напротив распространение военно-политического влияния США именно на страны СНГ, инициативы в военно-технической сфере вызвали в России недоверие к Вашингтону и снизили потенциал российско-американского взаимодействия по широкому кругу международных проблем.

Мы знаем, что после смены администраций в 2009 году Вашингтон не ориентируется на жесткую конфронтацию с Россией. Несмотря на наличие в руководстве исполнительной власти США сторонников политики «кнута и пряника» в отношении России большинство новых деятелей пока настроены к Москве достаточно гибко, конструктивно и прагматически. Позитивные ожидания в США связаны главным образом с перспективами сотрудничества с Россией в области ограничения ядерных вооружений, нераспространение, иранское направление.

Для нас отношения с США остаются, конечно, одним из самых приоритетных направлений внешней политики. От их состояния во многом зависит обстановка в области международной безопасности и стратегической стабильности и действенность борьбы с новыми вызовами. С учетом влияния США система завязанных на Вашингтон союзнических обязательств, экономических связей, качества российско-американских

отношений, все это ключевые факторы благоприятной внешней среды для устойчивого социально-экономического развития России.

Нам со своей стороны, вместо того, чтобы заниматься поисками эфемерного равенства и дружбы с США или напротив постоянно видеть в Америке источник всех зол, надо учиться сотрудничать с ними в новой реальности, достигать собственных российских национальных целей. Без сотрудничества или нормализации отношений с США, без заключения с ними новых договоренностей, не сможем обеспечить военно-стратегическую стабильность на глобальном уровне и не сможем построить ту самую европейскую безопасность. В долгосрочном плане без США будет труднее осуществить модернизацию российской экономики на основе высоких технологий.

Про стратегические вооружения. Переговоры начались, сама фигура того, кто ими занимается с американской стороны нас очень вдохновляет, Розгетту Мюллер мы хорошо и давно знаем, она сбалансированный и умный человек, который понимает о чем она говорит и, безусловно, относится к России объективно.

Чего мы хотели достичь? Нужно было бы подписать новое соглашение к концу этого года даже чисто психологически. Его можно условно называть «СНВ+», т.е. «Старт +». Из уровня нынешнего СНВ наступательных 1700 – 2200 единиц, мы эксперты хотели бы взять за основу нижний, т.е. 1700 единиц и даже по возможности уменьшить его до 1500 единиц. Военное сообщество РФ не очень хорошо на это смотрит, но, по моему, получила такие указания с самого высокого политического верха. Если не хватит времени до декабря 2009 года заключить полномасштабный договор, то можно на первом двустороннем саммите писать рамочное соглашение, как в свое время в 1997 году мы подписывали «СНВ3» с новым уровнем сокращения.

Главная проблема для русских военных это не уровень количества носителей, а правила зачетов боезарядов и правила их сокращений путем

разгрузки. Т.е. наши военные беспокоятся о большом возвратном потенциале. Т.е. возможность довольно быстро развернуть боеголовки со складов. Американцы говорят, что нет, давайте по ракетам договоримся, по носителям, их легко контролировать. Но не учитывается, что у нас нет такого количества боеголовок, которое составляет возвратный потенциал.

Уже в ходе первых разговоров в Москве между г-ном Антоновым и Резгеттой Мюллер возникли «связки» с противоракетной обороной. То, что американцы хотят разместить 10 антиракет в Европе – в Чехии и в Польше, с одной стороны, по их количеству, по техническим характеристикам, это незначительно затронет российский потенциал ядерного сдерживания. По некоторым оценкам при самом благоприятном для американцев стечении обстоятельств, эти антиракеты могли бы догнать несколько наших баллистических ракет, запускаемых с западных или южных российских баз и то, только в случае их нацеливания на восточное побережье США, т.е. Бостон, Нью-Йорк и Вашингтон. Но эти антиракеты никогда не испытывались, по нашим данным, в режиме перехвата и на этих базах может быть развернута только часть баллистических ракет России. В этом смысле это не такая большая угроза. Но заявленное развертывание в Европе не может Россией игнорироваться при всей незначительности ее потенциала. Американская программа «ПРО», пользуясь вашингтонской терминологией, это программа с открытым продолжением и в этом смысле русские военные не имеют право это игнорировать. Поэтому между стратегическими наступательными вооружениями, о которых мы готовы договариваться, и «ПРО», связь, тем не менее, имеется.

Сейчас вышла интересная работа института East West Institute. Работали хорошие команды и заключительный документ подписан с одной стороны российским зам. Министра иностранных дел Сафоновым и с другой стороны генералом Джонсом, который после этого стал секретарем по национальной

безопасности США. Я напомним, что «ПРО» возникла в Чехии и в Польше для того, чтобы защититься от Ирана. Эта группа Джонс-Сафонов работала год, представили нам следующие данные – создание маленького ядерного заряда Ираном возможно через год-два, создание чего-то реального, что можно куда-то доставить и действительно это представляло бы угрозу – 6 лет, создание ракетносителей Ираном – 10 лет. Поэтому, исходя из этого анализа, если это так, так чего спешить с Чехией и Польшей? Если не спешить с Чехией и Польшей, то тогда можно успеть заключить психологически очень важное соглашение по стратегическим наступательным вооружениям.

Не могу опустить тот момент, что самым плохим вариантом, было бы то, что американцы говорят, что мы не будем ставить «ПРО» в Чехии и в Польше, но нас очень просят наши польские союзники дать им 10 патриотов и мы там их поставим, потому что это такая большая просьба нашего союзника по НАТО. Тогда все обостряется и возможен очень большой таймаут. Если Иран будет продолжать испытание ракет все большей дальности, а это 10 лет, то может быть мы могли бы предложить США промежуточный вариант соглашения сроком до 2015 года о том, что в Европе не будет развернуто больше 10 антиракет.

Немного слов о расширении НАТО. Конечно, расширение НАТО на Украину и Грузию не состоится. Мы получили такие заверения со стороны Меркель и Саркози. В этом смысле мы не обеспокоены, но к этому вопросу надо возвращаться вновь и вновь. Мой хороший товарищ Том Греем, который занимался Россией многие годы, сейчас выступил официально с теорией финляндизации Украины, с той точки зрения, что она на какой-то промежуток времени должна оставаться вне военных блоков.

Нераспространение. Здесь мы могли бы очень много сделать с США и в среднесрочном плане – приход к власти администрации Обамы, расширяет возможности сотрудничества между Россией и США по целому ряду проблем нераспространения. Мы так понимаем, что США готово пойти на ратификацию

договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний, возобновить свое участие в переговорах по выработке договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в оружейных целях и Россия готова к тому же.

Поэтому обзорная конференция договора о нераспространении ядерного оружия, которая состоится в следующем году, потребует от нас – двух сверх держав – в смысле ядерного вооружения заверений, что мы выполняем свою часть нераспространения. В этом смысле это дополнительный стимул к тому, чтобы до конца года мы заключили тот договор, а котором я говорил. Мы сотрудничаем в МАГАТЭ, Россия создает международный центр по обогащению урана на базе комбината в Ангарске в Иркутской области. США и другие страны МАГАТЭ продвигают свои идеи в этой сфере и мы дополняем друг друга.

Борьба с международным терроризмом. Здесь, как и в нераспространении, это одна из основных сфер нашего взаимодействия. Новая американская администрация, судя по всему, вряд ли будет считать войну с террором самым главным приоритетом в силу других приоритетов. Это означает, что противодействие международному терроризму не сможет впредь играть роль локомотива для развития двухсторонних отношений России и США. Или быть гарантией от их ухудшений. Тем более, насколько мне известно, больших контактов между спецслужбами России и США по совместной борьбе с террором так и не наладилось.

В последнее время США все чаще высказывает свои опасения относительно угроза терроризма с применением оружия массового уничтожения, включая ядерное. В России это опасение разделяют, хотя полагают, что основной риск исходит от потенциального применения грязной бомбы. В связи с тем, что Северная Корея заявила о выходе из перемирия, они не могут доставить сильный заряд куда-то далеко, хотя у них есть ракета на 5 тыс. км, но грязную бомбу, т.е. маленький заряд, они могут распылить над Токио и там нельзя будет жить 25 лет, говорят ученые. Это реальная угроза и с этим мы

будем бороться вместе. Тем более, что обстановка в Пакистане, который для нас является чуть ли не пограничной страной, сами знаете какая. И в этом смысле нам с американцами надо действовать вместе, такого рода консультации идут и мы очень рассчитываем, что в среднесрочной перспективе глобальное партнерство наше с американцами в этом отношении и в рамках «Большой 8-ки», это то, что надо делать. Слишком большая угроза на расширенном ближнем востоке, ясная угроза со стороны Ирана, теперь обострившаяся угроза со стороны Северной Кореи - это наша общая забота и никаких противоречий у нас здесь нет.

И последнее, миротворческая деятельность. Интересам России в принципе не противоречит совместное участие с США в проведении миротворческих операций. Это укрепляет наше взаимное доверие, повышает совместимость в боевых условиях. В среднесрочном плане можно представить себе некоторые сценарии совместного участия России и США в миротворческих операциях. С моей точки зрения, к ним может относиться Ближний Восток, где в случае достижения мирного палестино-израильского договора может потребоваться развертывание очень больших международных миротворческих сил.

Как Вы знаете, мы с американцами договорились об использовании нашей территории и территории наших союзников, Средней Азии, для транзита в Афганистан. В ходе визита президента Медведева в Испанию, этим правом даже пользуются испанские вооруженные силы, немцы. Американцы используют территорию для не боевых грузов, поэтому совместное участие в конфликтах, которые представляют угрозу для обеих стран - довольно перспективная задача. Все это составляет позитивную повестку дня в отношении России и США.

Все это составляет позитивную повестку дня в отношении России и США.

ROBERT NURICK, Senior Fellow at the James Martin Center for Non-proliferation Studies of the Monterey Institute of International Studies, USA

It's become quite commonplace now to note that by this past winter in the wake of the war in Georgia in last August and then the energy cut-offs to Ukraine and through Ukraine to Europe that the bilateral relationship, the Russian-American relationship, had sunk to its lowest level in the post-Soviet period. And as bad as this was, the deterioration was particularly striking when one remembers the very high hopes that both sides had entertained for that relationship very earlier in the decade. We all remember the famous phone-call from then-president Putin to then-president Bush right after the 9/11 events. There was not too long after that what was probably the high-point in the relationship, which was the presidential summit in Moscow in May of 2002, at which a nuclear-arms control treaty was signed; there was a declaration of a strategic partnership between the two countries, there were series of joint statements about pledging cooperation on energy, on missile defence, on people-to-people exchanges in a variety of other areas. And then, finally, in September of 2003 a meeting of the two presidents in Camp David in the US, where the presidents instructed their respective governments to start identifying very specific tasks and timelines and schedules to implement these political commitments that they had made.

Now we know, clearly, that all the hopes of that period have not been realized; that very quickly thereafter a slow deterioration in the relationships set in. And we could certainly see the effects of this by the famous summit, the next summit, in Sochi in April 2005, which on the one hand, produced again, a US-Russian strategic framework declaration, but on the other hand the declaration was quite curious, because while it reaffirmed this idea of a strategic partnership between the two countries, essentially what that document did was summarize the issues on the bilateral political agenda, it did record some areas where progress had been made; but mostly the declaration consisted of a series of commitments to reach new agreements in the future. It was in many ways a record of

unfulfilled ambitions. As I said, this was starting to become clear already by April 2005.

Now, the reasons for the deterioration over these years are, of course, complicated and diverse; I'm not going to try and summarize them now, but I would make one observation about this period, which it seems to me has some relevance to the future of the relationship; and that is that among the various reasons for the deterioration was the fact that for both sides main preoccupations and priorities lay elsewhere. For US it quickly became Iraq, then Iran; for Russia, for the government in Moscow, it was, at least from the point of view in Washington, focus very much on complicated domestic agenda. And in any case one result of the fact that the priorities and the tension lay elsewhere is that the bureaucracies, it seems to me, on both sides, in both capitals were not pressed to implement all this array of presidential commitments that had been made in the previous years. For example, as best I can tell neither in the Pentagon, nor in the Russian Ministry of Defence was there much interest in the bureaucratic level in cooperation in missile defences. Secondly, despite a series of promises to president Putin, the American efforts to persuade Congress to graduate Russia from the Jackson-Vanik amendment were, I'd say half-hearted at best. An energy dialogue was initiated in 2002, but was quite dormant by 2005 and didn't come to very much. Again, despite all the commitments to people-to-people exchanges, on the one hand US funding for those exchanges was actually slashed and in any forthcoming budgets wasn't increased. And on the Russian side what we saw was it axed all of the Peace Corps people in Russia. So we had this array of commitments of objectives, of ambitions; most of them or many of them were ignored or fell dormant, or fell hostage to other issues.

Now given all this recent history what I'd like to do is say a few words about these revolving discussions and debates in the US and then turn to a couple of key issues in a bilateral relationship.

First of all, US perspectives and discussions about the relationship; clearly the Georgia war, and it won't surprise anyone when I say this, the Georgia war was a seminal event, and it had a major impact on

everyone in Washington. There were very diverse views in the US about the origins, reasons and blame that should be assigned for this war. They're much more complicated now than they were then, but there was at least a general consensus that the assumptions behind US policy towards Russia needed to be revisited; that a new policy was needed. But it's important to know, I think, that the conflict in Georgia was not only a cause of the deterioration of the relationship, but reflected it – reflected a prior worsening in the relationship in the sense that that relationship had become so troubled, at least as it seemed in Washington, Moscow did not see many costs in jeopardizing it. It simply did not have enough of a stake in the current arrangements to worry too much about what the effects of this conflict might be, at least as compared to the implications of not acting. So one lesson that was drawn in Washington was that, given the fact that Washington seemed to have very little leverage, it needed to repair the relationship – in part to give Russia a greater stake in the health of that relationship. So that when the next crisis would come along, the state of the relationship would figure more highly in Russian thinking than it seems to have done in Georgia.

Now since then there has been a large number of groups that have been formed, reports that are starting to be issued about the relationship in general and about what US policy should do to repair it. When you look at all these reports there is of course disagreement about the details, but most have put forward a fairly common agenda and most will also begin with a fairly common list of why the US does have an interest in a more productive relationship with Russia. Now, again a common theme, not in all of these reports, but in many discussions has been to start by acknowledging that 'common values' as we used to call it are not going to be the basis for rebuilding this relationship. Instead, it's going to have to be based on common interests. And it was not difficult to identify what some of these interests in general would be: they included, certainly, Iran and North Korea, a whole other array of non-proliferation questions, economic ties, Afghanistan, etc. – I'll return to some of these in a moment. But a corollary to this notion that we needed to focus on common interest was the view that

the US cannot much affect the domestic arrangements in Russia as it had sought to do before, that therefore it should focus instead on these key foreign policy and security interests; it should set priorities in those areas and should stick to them. The corollary was that the US needed to be more responsive to some of the central Russian concerns and interests, especially in the neighbourhood and the European security agenda.

Now, all this was and is, I think, widely agreed in the US, and is not controversial. The problems and the disagreements start to arise in a very common next step from this line of thinking, having to do with the particular implications that have been drawn for concrete policy issues. And typically in one line of thinking the next step following from this line of thinking, has been to say that US should making trades with Russia; trade and interest of it for Russian interest. And the most common one has been the proposal that for the sake of better Russian cooperation in dealing with the nuclear issue in Iran, that the US should radically change its policy with respect to Georgia and Ukraine. Now this is, as I said, where the controversy starts to arise. And there have been two problems: first of all that the proposal is not universally accepted as a way of dealing with Georgia and Ukraine - I'll come back to that one in a minute; but the second one has to do with a broader problem as seen in Washington in the relationship, and that is the fear that making these kinds of trades would encourage a Russian foreign policy instinct we've seen elsewhere which was to look for quid pro quos on almost every issue, including on issues where both sides claimed at least to have common or at least congruent interests. Now to some degree this instinct to look for quid pro quos was very understandable in that the US particularly in the Bush administration had preceded, I think, by saying "look, let's cooperate with Russia where we can on the things we care about and we'll sort of ignore the rest". And so to some extent this desire for quid pro quos was a way, I think, simply to get US attention to Russian concerns, to try to change the agenda to focus on Russian interests, not just American ones. So that part's understandable, the problem is that we need to be clear about what we're doing. If

we say we're building a relationship on the basis of common interest, we can't do that if everything's a deal. Because what that says is that common interests are not enough, that even where they may exist they are not enough to produce common policies. We may have to make these kinds of deals, indeed that's what foreign policy and diplomacy are often about, but we need to be clear about what they are; in that case we're not building a relationship based on common interests but on the train of diverging interests, and we need to be clear about what we're doing.

In any case, this issue has been at the core, I think, of the underlying debates and dilemmas in US policy. Not whether US should engage, not whether there are interests that can be pursued - everyone agrees that's true. The question really is what issue should be linked to others, what are the costs that should be paid for them, what do we need to do to put the relationship on a stable and a productive foundation over the longer term. To make it based on something more than a series of transactions between the two sides.

Now with this in mind, let me just say a few words very quickly about some of the current issues on the agenda. First, we're all familiar with the language of the "reset button"; both sides have expressed their determination to repair the relationship, atmospherics are certainly better, we've begun some arms-control negotiations and so on; hopes, I think, are much higher than they were before. At the same time though, both governments for, I think, understandable reasons are being fairly careful about how they describe the expectations: they recognize, I think, that the deterioration didn't come quickly and it's not a result of simple causes and by the same token it's going to take some time, it's not going to be repaired overnight either.

Very quickly on a couple of issues: first, the arms-control negotiations. As I'm sure everyone knows there's a commitment by the two presidents to try to reach a new agreement as a replacement for the start agreement by December when the start agreement expires - that's a very narrow timeline. I think that there is some prospect despite the schedule, that there is some prospect an agreement can be reached by then, but if it is, we ought to recognize it'll be

quite a modest agreement. I can say something in the discussion if people are interested about what I think the agreement's going to look like, but the important political point to make here is that the arms-control negotiations which we've started clearly are going to proceed in phases. This first phase is going to be quite a modest step, and one, I think, where all the hard issues in the relationship are going to be deferred for the next phase. What that means is that the political affects of an agreement, so if Washington and Moscow reach an agreement by December, the political affects are going to be fairly modest as well and will depend greatly on how the two governments choose to characterise them. Because it's modest, because hard issues are going to be deferred, it's going to be subject to criticism in both countries; the governments are going to have to decide that they want to portray it as part of a broader process which will in time start to address some of these harder issues.

Secondly, very quickly - the question of the neighbourhood; this, it seems to me, is the hardest set of issues and the ones with the greatest potential both for an improvement and for trouble in a bilateral relationship, because it's here that interests really do diverge. And in the bilateral relationship the big issue, of course, is the treatment of Georgia and Ukraine, its relationship to their NATO ambitions and NATO enlargement. Let me simply say that here, this is something that is going to have to be very carefully managed. On the one hand, I think US administration will not and cannot explicitly abandon the commitments it's made to those countries, or to the principle that it stresses - that these countries in the region as sovereign entities have the right to choose their own security arrangements. On the other hand as a practical matter, this issue is going to be put, I think, on the backburner, simply for reasons, if no other, having to do with the domestic situations in the two countries. The issue, therefore, is, whether, given the fact that it's going to be put on the backburner, at least in NATO: can the time that this brings us can be used profitably to diffuse the issue more generally? To me, a big part of this, the answer to this question is going to depend on the broader question of European security arrangements and how they're dealt with. Again, this is a much more complicated topic, so I would

simply say that one of the reasons in my view why the US and Europeans need to engage Russia on this issue is to accept the proposal to talk about this. It's because one thing we haven't got right over the years is the answer to the question: where does Russia fit in European security arrangements? It's not healthy, it's not sustainable over the long run, and we need to address it. Now, to summarize and conclude, I think there are reasons for optimism; I'm certainly hopeful that these new initiatives will bear fruit; I have two general concerns which I will end with, one about Russia and one about the US.

My concern about Russia is that we will be too passive. And the reason I say that is because the signals we're getting from Moscow, often very explicit signals from Russian officials, are that, as far as they're concerned, the ball is in US' court. Their view is that US took advantage of Russian weakness in the 90s, the US is responsible for the deterioration in the relationship; it is therefore up to US to repair it. I think the US certainly needs to take some actions here and to take some initiatives, but Russia is going to need to do some of that as well. The danger is that if Russia does not have ideas of its own in these areas and does more than sit back and wait to wait what US proposes, US attention may go elsewhere. If nine months from now there is not a lot of progress, I don't think the relationship will collapse, but the administration, its attention will be diverted to other issues which are higher on its agenda: to Iran, to North Korea, to its economic, domestic-economic circumstances and so on. So again, it is important that Russia takes some initiatives as well, not just the US.

On the US side my main underlying concern will sound like a bureaucratic problem, but relates to a bigger issue. The bureaucratic problem is: is there going to be anybody in the administration who will have the authority to integrate Russia policy across the different ministries. One of the problems in the Bush administration was that arguably there was no integrated Russia policy; it was the product of specific policies on functional issues. If the relationship is to succeed, somebody is going to have to be able to look across this array issues and make some trade-offs among them; decide what's important, decide what can be linked to what, to make it more than the sum of its individual

parts, so that it's not driven by these individual functional issues but has some kind of integrated coherence to it. At the moment there's nobody in the government yet who has this position, a position like Strobe Talbot had in the Clinton days. We'll see whether somebody has that kind of authority or not, it will make a big difference to the way the US conducts the relationship.

АЛЕКСАНДР РАР, директор программы «Россия-Евразия» Германского совета международных отношений

Хочу Вас ознакомить с возможными контурами, которые может получить мировой порядок после этого кризиса. Так что интересно подумать, где мы будем жить через год или два и каково будет соотношение сил в этом будущем мире.

Первый контур. Мне кажется, США будет терять роль единственной Супердержавы в этом мире. Это становится все очевидней и сомнений уже нет.

Второе. Китай еще более быстрее будет становиться Супердержавой 2, чем предполагалось до финансового кризиса.

Третье, ЕС будет тратить очень много энергии, политической воли, денежных возможностей на укрепление или даже спасение своей социальной системы и экономической модели. ЕС будет спасать свои страны или дружеские страны ЕС на восточной периферии.

Четвертое. Многие считают, что есть большой шанс у азиатских экономик, особенно у так называемых «азиатских тигров», обогнать ЕС. Таким образом, мы на пороге вступления в азиатский век.

Пятое. Возможен новый международный институт или организация, которые могут возникнуть в ближайшие месяцы. Например, такие как более организованная организация БРИК – Бразилия, Россия, Индия, Китай. Уже нет сомнений, что России и другим газопроизводителям удастся создать какой-то газовый ОПЕК, который будет иметь политическое значение в мировой экономике. Ясно, что из Большой 8-ки сейчас преобразуется Большая 20-ка и

большой вопрос в том, сможет ли уцелеть мировая торговая организация WTO.

Шестое. Видимо мир будет искать новые идеологии, новую идентичность. Это интересно, но в то же время и очень опасно. Как будет исламский экстремизм, который никуда не ушел, реагировать на мир после финансового кризиса. Левые идеи, социализм, это уже консервативная идея в глазах многих европейцев, это идея уже устаревшая, но что придет на замену либерального капитализма, который тоже уже обанкротился в глазах мировой общественности. Думаю, эти идеи могут быть выходцами из Азии, но и где-то в Европе будут возникать новые политические мировоззренческие идеи.

Седьмое. Нельзя недооценить новый возможный союз России и Китая, хотя европейцы в него мало верят, считают его абсолютно абсурдным. Но думаю, так как ресурсы начинают играть все более значимую роль, после финансового кризиса страны, которые контролируют эти ресурсы, будут иметь больше значения в мировой политике.

Восьмое. Как последствие кризиса можно ожидать где-то социальные потрясения, изменения и даже эволюцию политических систем со всеми последствиями, которые может иметь политика Европы и Азии.

Девятое. Возможны конфликты в процессе постановления нового порядка. Не все будут его приветствовать. Не исключены ресурсные войны или попытки использовать ресурсы как инструменты восстановления политической мощи в новом мировом порядке.

И десятое. Вакуум, который будет где-то оставлен США, естественно будет заполняться другими актерами, но какими, сегодня предсказать невозможно. Тот пример, как Северная Корея провоцирует все международное сообщество, в том числе и Америку, показывает, что Америку все меньше и меньше начинают бояться. А что это означает, если Северная Корея сможет выставить себя в роли новой атомной державы наподобие Пакистана или Индии.

После этого финансового кризиса может разразиться энергетический кризис, потому что ресурсов будет не хватать. Цены не только на нефть и газ, но и на другие полезные ископаемые могут радикально пойти вверх. Что это значит для тех государств, которые контролируют эти ресурсы? Негосударственные компании, так называемые Transnational Corporations вряд ли будут допущены к разработке этих ресурсов, как это было в 80-90-е годы.

Германия особенно это чувствует. В Германии очень много политических сил в отношении России хотят вернуться к той идее, которую в Бундестаге высказывал тогдашний президент Путин в сентябре 2001 года, он предложил обмен западной технологии, совместную разработку ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке. Он намекал на возможность совместной европейской модернизации Сибири. В Европе открытым текстом говорят, что нужно стремиться к тому, чтобы не допустить, чтобы один только Китай с Россией восстанавливал сибирскую инфраструктуру.

Сейчас очень большой тест на зрелость возникает в отношениях между ЕС и Россией вокруг проблемы Украины. Я лично считаю, что ЕС сделал ошибку, когда предложил Украине модернизировать ее транспортную систему вообще без русской помощи. Сейчас происходит откат, в Европе понимают, что нужно скорее возвращаться к идее консорциума, где российская сторона вместе с европейской и украинской участвует в диверсификации нового укрепления газовых транспортных путей в Европу.

В ЕС по-прежнему идут большие споры о том, кто прав – старая или новая Европа, по отношению к России. Мюнхенская конференция по безопасности, это хороший пример тому, какие у нас разногласия. Президент Франции Саркози выступил и открытым текстом заявил, что нужно принимать предложение Дмитрия Медведева и идти на диалог с Россией по всем вопросам, которые интересуют Россию. Г-жа Меркель говорит, что надо говорить с

Россией, но только внутри институтов Запада, т.е. НАТО и ЕС, намекая на то, что Россия должна стремиться интегрироваться в эти организации, чтобы стать европейской державой. И Дональд Туск сказал, что с Россией можно только тогда общаться, когда она будет разделять западные демократические ценности. Это три, как мне кажется, абсолютно разных подхода и как их свести в один в ЕС сказать очень трудно.

В виду финансового кризиса вывод такой, что ЕС естественно выживет этот кризис, но внутри ЕС страны старой Европы политически и экономически сильно усилятся. Они получают больше возможности проводить свою повестку дня в отношении России и смогут пробить свою точку зрения в отношении новых стран ЕС, что европейскую архитектуру надо строить не без России, а пытаться выстроить ее вместе с Россией, но никак не против России.

И последнее. Главная проблема – это энергетическая безопасность. Европа будет нуждаться в газовых поставках из вне ЕС. Норвегия, Англия не смогут больше обеспечивать такие потоки газа в Европу, а газ будет нужен, потому что он будет заменять нефть, атомные электростанции не будут так строиться по всей Европе, в Германии это табу. Сжиженный газ будет поступать в Европу, но вокруг него будут конкурировать и другие континенты, так что в Европу он полностью не будет поступать. Повидимому, придется прокладывать новые трассы из Каспийского региона в Европу. Но в Каспийском регионе сложная геополитическая ситуация вокруг Ирана, поэтому проект Набукко под вопросом.

С Россией есть трубопровод, есть запасы, поэтому уже по политическим и экономическим причинам, такая страна как Германия, ЕС будет стараться, не смотря на большие несогласия, связать свою судьбу энергетической безопасности с Россией, естественно хорошо думая о диверсификации. Может быть возникнет новый энергетический союз на подобию Союза угля и стали, который связал 50 лет обратно Германию и Францию.

МИХАИЛ ЕВДОКИМОВ

Два события в этом году, которые вызвали у нас определенную обеспокоенность. Первое это было не само восточное партнерство. Дело в том, что нас европейские коллеги долго убеждали в том, что оно не направленно против России, убедили нас и российская сторона сказала, что готова участвовать в восточном партнерстве и даже финансировать и совместно помогать государствам развиваться. После того, как российская сторона это сказала, возникла пауза, и был дан ответ, что участие третьих стран в восточном партнерстве не предусмотрено.

Второе событие, в феврале этого года после кризиса с транзитом через Украину, состоялась встреча комиссии ЕС в Москве с президентом России и правительством, где было общее понимание, что нам нужно совместно России и ЕС работать с Украиной для решения проблем энергетической безопасности. Слово «совместно» было ключевым. Наше понимание, что мы должны работать на пространстве СНГ совместно. И после того, как ЕС принял с Украиной декларацию по энергетике, где есть некоторые вопросы, которые у наших экспертов вызывают большие озабоченности, у нас возникло ощущение, что ЕС не хочет работать совместно с нами.

В восточное партнерство нас не пригласили, в решение энергетических проблем с Украиной не пригласили, получается, что вместо партнеров с ЕС на пространстве СНГ мы становимся конкурентами.

Теперь перейду к нашим отношениям с США и ЕС в области безопасности. Может быть, у меня крамольная мысль, наши отношения с США были достаточно сложными в последний период, потому что в отличие от периода отношений между США и Советским Союзом не было прямой угрозы ядерной войны.

С другой стороны, я согласен с выступающими, что очень плохо, что нам не удалось с США сотрудничать при решении новых угроз, которые возникают в мире. Это не угроза глобальной ядерной

катастрофы, ядерной войны, а это проблема международного терроризма, ядерное распространение, наркотрафик, экология и энергетическая безопасность.

Я бы выделил две проблемы. Первая, это европейская безопасность, когда безопасность одной страны не может решаться в ущерб безопасности другой. Нам бы хотелось, чтобы решение проблем безопасности или США, или европейских коллег США в Европе привели к тому, чтобы безопасность России уменьшилась.

Вторая очень важная тема, это стабильность в Европе. Пример, как была обеспечена независимость Косово, в нашем понимании только подталкивает к тому, чтобы количество конфликтов в Европе росло. Нам бы не хотелось, чтобы дальше такая ситуация развивалась.

Новая интересная тема, которую мы видим в наших отношениях с ЕС, именно связана с безопасностью, это кризисное урегулирование. Как нам кажется, мы удачно поработали с ЕС в Чаде, когда это была первая совместная операция. Сейчас мы тесно сотрудничаем с европейцами по пиратству в Самали, но России хотелось бы идти немного дальше. Каждый раз мы вырабатываем новые документы, решаем заново проблемы согласования, управления войсками и т.д., нам бы хотелось заключения с ЕС специального соглашения по кризисному регулированию. Об этом была договоренность в мае прошлого года, было совместное заявление по этому вопросу, пока что ЕС, как мы понимаем, не выработал совместную договоренность.

Вопрос энергетике. Мы считаем, что через энергетику мы можем укрепить наши отношения. Как нам представляется выработка какого-то общего соглашения России и ЕС по энергетике и создание энергетического сообщества, это достаточно длительная перспектива. В прошлом году мы еще говорили, что давайте начнем с малого, имея в виду малый регион. Как нам представляется, регион Прибалтики, северо-запада России, Калининград, Скандинавские страны и Финляндия, это может быть тот прообраз, будущего энергетического сообщества России и ЕС.

И последнее по треугольнику Россия – ЕС – США. Мы очень заинтересованы в том, чтобы начать такое сотрудничество. У нас были первые контакты в этом треугольнике по вопросам юстиции и внутренних дел. Как нам представляется, тема наркотрафика из Афганистана может быть очень интересной, потому что эта тема касается и США, которые в Афганистане и Россию, потому что мы и потребители, к сожалению, но и транзитеры афганских наркотиков, и касается ЕС, который тоже страдает от этого.

СЕРГЕЙ ЧЕРНЫШЕВ

Один из докладчиков затронул старую тему европейских границ ЕС, сказал о том, что наверно на Хорватии дело пока остановится, а к Турции не перейдет. Это важно, конечно. Но если подумать, основной драйвер, экономическое содержание интеграции в Европе все-таки находится в сфере экономики. Она не обязательно совпадает с внешней границей ЕС.

Вспомните СПС 1994 года. Это соглашение имело в своем составе положение о возможном создании более широкой сферы интеграционного экономического сотрудничества в Европе, намекая на зоны свободной торговли между Россией и ЕС. Такая зона свободной торговли должна была бы при правильном развитии событий включать и другие государства, находящиеся на восточных и южных границах России. Поскольку она имела бы смысл, если бы содержала не только возможности расширения рынков Западной Европы на Россию, но и возможность решения других ключевых для всех стран большого европейского региона острых вопросов.

Сейчас стало понятно, что первым таким вопросом является энергетический вопрос. Долгосрочное решение явно не в рамках договора энергетической хартии, явно оно должно предусматривать специальный инструмент с ЕС, и явно этот инструмент должен быть найден в рамках такого возможного интеграционного соглашения между Россией и ЕС.

Другой важнейшей проблемой, которую надо решить, могла бы быть

транзитная проблема. Транзит через Россию на Дальний Восток и транзит через Россию на Юг, по южному коридору, на Иран и дальше, с целью создания своего рода экономического моста между Европой и Юго-восточной Азией.

Уже этих двух компонентов хватит для того, чтобы стратегически мотивировать широкую зону свободной торговли с участием ЕС, России и государств бывшего СССР.

Возникает еще один вопрос, это гармонизация законодательства. И восточное партнерство, и наши содержательные действия в форматах создания таможенного союза с Белоруссией, Казахстаном или зоны свободной торговли в рамках СНГ, предполагают гармонизацию законодательства. Проблема в том, что никто толком не может себя до конца убедить в том, на какой же базе надо такое законодательство гармонизировать. У наших коллег в Брюсселе здесь ясности больше, они когда то ввели в действие и сейчас успешно проявляют схему гармонизации законодательства на принципе правовой экономической базы ЕС. Этот принцип принят, в том числе и странами европейской ассоциации свободной торговли. Он принимается в рамках переговоров об ассоциации, он же сейчас предлагается странам из числа СНГ, которые вошли в восточное партнерство. Это уже создает некую правовую коллизию точно сразу с Белоруссией, потому что Белоруссия в течение оставшихся месяцев 2009 года, как и Россия, намеривается запустить таможенный союз, еще с участием и Казахстана, но Казахстан не входит в восточное партнерство.

АЛЕКСАНДР ДЫНКИН

Мы услышали про энергокризис, что ресурсов будет не хватать, что Россия энергетическая сверхдержава, что возможны энергетические войны - такой набор суждений. На мой взгляд, сегодня все сильно меняется, падает потребление сырой нефти в развитом мире. Китайская экономика развивается на гораздо более энергосберегающих технологиях, чем послевоенная индустриализация в

Западной Европе. Так что этот тезис у меня вызывает сильные сомнения.

Еще один знакомый тезис – о конце либерального капитализма, об азиатской модели, об авторитарном капитализме. Тоже здесь много вопросов. Я глубоко убежден, что выход их текущего кризиса будет связан с инновациями, это будет ключевая компетенция для выхода из кризиса. Японская экономика споткнулась именно об эту тему. Десятилетняя стагнация была связана с тем, что японцы великолепно заимствовали, когда они подошли к технологическому барьеру, экономика споткнулась. Мир пока не знает китайских инноваций, несмотря на колоссальные инвестиции Китая в эту сферу.

Еще одно соображение об азиатской модели. Мы скоро выпускаем работу, где мы исследовали 14 азиатских стран от одного кризиса 1998 года до другого. И абсолютно однозначный вывод – тренд и в Индонезии и в Малайзии в сторону демократии, в сторону большей конкуренции, в сторону конкурентной рыночной экономики.

Теперь по поводу конфликта с Украиной. Тоже уже достаточно избитая тема. Я уже говорил, что мы за 10 лет финансировали, субсидировали Украину на 47 млрд. \$, сил больше нет, сегодня кризис. Очень простой ответ на вопрос – что там такое у русских с Украиной? – если посмотреть, приподнявшись над ежедневной информацией, скажу просто, сегодня мы видим в Киеве двух влиятельных политиков, очень остро конкурирующих между собой. Каждому из этих политиков симпатична одна или другая посредническая контора. Эти конторы тоже сейчас между собой соперничают. От этого получается то, что получается.

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ

Хотел бы сделать несколько замечаний, по обсуждавшимся вопросам. Во-первых, во взаимоотношения ЕС и России мы настаиваем на политическом равенстве, это правильно. С европейской стороны говорят, вы такие мощные, сделайте то-то-то. Но я напомню, что мы только что вышли из тяжелейшего

кризиса переходного периода. Поэтому то или иное партнерство не может быть за наш счет.

Во-вторых, эксперименты, которые проводит ЕС внутри себя, очень неопределенные, особенно в энергетике, еще не известно как они пойдут. Мы точно не хотим проводить эксперименты на себе для Европы.

В-третьих, по Хартии. У нас в стране неважное отношение к хартии, мы не однократно ее критиковали, но в то же время мы все же ее выполняем. В украинских конфликтах 2006, 2009 года, мы ее выполняли, Украина – нет. В 2006 году нас требовали на саммите в Петербурге ее ратифицировать, в 2009 году в январском конфликте ни одна страна, Брюссель не упомянули хартию. Мы ее выполняем, потому что основное там, это отделение платы за транзит от платы за товар, который идет по транзиту. Это принцип – не трогай транзит.

Я считаю, что отношение к Хартии несправедливое, потому что там есть по крайней мере несколько принципов, которые важны для устойчивости работы европейской энергетической системы и для нас России, как для поставщиков. В частности в Хартии записан принципиальный пункт об энергетических инвестициях. Редакция третьего европейского пакета по газу в той форме, в какой она была предложена 19 сентября прошлого года, она прямо противоречила энергетической хартии. И это юристы немедленно обнаружили.

И последнее, о восточном партнерстве. Мы в июне все узнаем про восточное партнерство, либо Европа помогает Украине выкарабкаться, либо нет никакого партнерства.

ИГОРЬ ЮРГЕНС

Я бы с огромным удовольствием порекомендовал бы и пожелал ЕС огромных успехов в этом восточном партнерстве. Если бы они с этим справились, мы бы отерли лоб и сказали, вперед, но тогда не ходите к нам за решением всех этих проблем.

АЛЕКСАНДР РАП

Мне было интересно поспорить с г-ном Дынкиным. Его точка зрения по поводу поддержки модернизирования ЕС, который потом вытягивает всех из кризиса, очень интересная. Но я боюсь, что в ближайшие годы мы будем тратить большие средства на то, чтобы спасти нашу модель, бороться с безработицей, с социальными последствиями этого сильного кризиса. Поэтому денег на экологические инновации, на глубокую модернизацию нашей экономики может не будет. Если кто-то будет локомотивом, который будет выводить западный мир из кризиса, то скорее это будет Америка. Поэтому вся надежда старых европейцев по-прежнему на американские доллары, на то, чтобы в Америке экономика заработала бы опять.

ANDRES KASEKAMP, Director of Estonian Foreign Policy Institute; Professor, University of Tartu

Thank you for that introduction, though of course Estonian president Ilves might say that we're a Nordic country – that's just a joke, of course. I'm very honoured to be speaking on this distinguished panel as the symbolic northern Balt. I'm not an economist, so I will focus on the second part of the title; the first few presentations have given us a more global view; I will focus on the regional security aspect, in particular from an EU perspective.

I will take as my starting point two summits which have taken place in the last few weeks during the month of May: the Eastern Partnership Summit in Prague and then two weeks later the EU-Russia summit.

Now, starting with the first, a remark which our host Mr. Jurgens made in the previous session was that Russia wasn't invited to the Eastern Partnership, to become a part of the Eastern Partnership. Well, Russia has never aspired to the Eastern Partnership, because Eastern Partnership in its essence is, of course, bringing these six countries up to the level of relationship which Russia enjoys with the EU already. In other words, Russia has a more privileged relationship with the EU than these six new countries which will be a part of the Eastern Partnership. So it's not about ignoring Russia,

it's simply about bringing the others up to that level. Russia, of course, has its four common spaces, Russia has its two annual summits with the EU; it's a very special relationship. You could think also that one of the main aspects of the Eastern Partnership, one of the tangibles, one of the concrete results, hopefully, in the mid-term could be visa facilitation for some of these countries: just to think of a situation which Russia already enjoys, you could imagine, how, well, a Russian passport-holder in South Ossetia today enjoys easier access to the EU than a citizen of Georgia, for instance. So it's not something, I would say, aimed at excluding Russia, but it's bringing others up to the level which Russia already enjoys. Of course, Russia emphasises its sovereignty, its traditional sovereignty; it doesn't want to be bound and tied by the obligations and requirements of any kind of contractual relationship which the Eastern Partnership and its action plans might impose on these six states of EU-Russia shared neighbourhood. But I think Mr. Jurgens was definitely right in saying earlier that the EU's influence in fact is very minimal in this region; Russia has indeed put much more money and has much more influence and traditional connections and networks in the region, so Russia obviously is a bigger player; Europe is only coming into this region now quite reluctantly, I would say.

And here I think it would be useful to remind ourselves how this Eastern Partnership began: it's really only an evolution of the European Neighbourhood Policy. The European Neighbourhood Policy, of course, is naturally about spreading the zone of stability and prosperity, and rule of law in the neighbourhood of Europe. But it doesn't differentiate between the South and the East; the North-African countries and those countries, those neighbours which are European countries and thus should have naturally a better, closer relationship with the EU – these countries in fact do have European perspective. But also when we think about the European Neighbourhood Policy, then one of its rationales was to draw a very clear line between those who would be potential candidates for any future enlargement of the EU and those who were simply neighbours, that is, these countries in the common EU-Russian neighbourhood are not considered candidates for the EU any

time in the near future whatsoever, and this is one of the reasons why the ENP, the Neighbourhood Policy has been successful: because it's a way of demarcating very clearly where the boundary of the EU as such is. Of course, I would say my country and a country like Poland would like to see the policy developed step by step in, perhaps, preparing these countries for closer integration to Europe, but that's I don't think a view shared by the major players in the capitals of the larger, more influential member states. And, of course, the Eastern Partnership, as I said, was really about differentiating the ENP, which was a "one size fits all" policy for all the geographical neighbours of the EU. And it was really, I would say, the French president Sarkozy, who got the ball rolling with his Union for the Mediterranean process, which fed more attention, more money, and already the Barcelona process of course earlier was pumping a lot of money into the neighbourhood in the Mediterranean, and the Eastern Partnership was simply a way of focusing some attention to Europe's eastern neighbours, countries which are in Europe and which certainly aren't getting an equivalent amount of attention and certainly not funding or monetary support. So it's very much about an internal EU debate or EU development what this Eastern Partnership has come about and it's also a question for the EU: do we treat these neighbours, do we simply have bilateral relationships with them or we develop a multi-lateral framework, and that is the essence of putting well, these six rather diverse countries into one grouping, but it simply makes it easier for EU bureaucracy and the politicians to handle or conceptualize this group rather than try to focus on every country individually, which would mean that they would receive very little attention or some of these countries would be forgotten altogether.

Now coming to the second summit which I took as a starting point: the EU-Russia summit just last week. The main headline news from that summit, at least in the Western press (I'm taking for instance the BBC World Service internet headline) for that was "Russia fears new EU pact", which was a mystifying headline for me, but it came from a quote in the press conference following the summit, where the Russian president warned that "the Eastern Partnership shouldn't be developed against anyone", that is, against

Russia. And this to my mind seems to be an interesting, but not entirely logical response to what the EU is actually doing. It follows that same rhetoric and discourse which we can follow in the media and diplomatic circles; that somehow the EU, and this also applies perhaps even more to NATO, that these organizations are dragging these countries of the neighbourhood forcefully into Euro-Atlantic structures even against their will, or quicker than they would like. But if you follow the developments in the EU, that's entirely nonsense. If we look at our own experience, of course, the Baltic States coming into the EU and NATO; no-one was awaiting us there, it was only due to our own, as Bob Nurick said, our own efforts of reform. Meeting the tough criteria and requirements and no-one in the EU is awaiting these countries either if they don't fulfil these requirements. And if we talk about going from the neighbourhood policy to enlargement, the slogan which is making the round in Europe for the last two years is "enlargement fatigue", that is, the prospects of any further expansion of the EU are very, very remote. Croatia will to my mind probably be- (of course there's the exception of Iceland – rich countries in the West, I think, are a different case), Croatia will certainly be the last country to join the EU for the foreseeable future. Unfortunately I'm afraid we can write off Turkey; I would like to see Turkey myself in the EU, but that's not going to happen in this decade, and leaving aside any other potential new candidates. And I mean you could say the same about the NATO process as well; I think the Bucharest summit made a bogeyman out of this membership action plan – that it doesn't automatically give anyone a free ride into the Alliance. Again, from our own experience: Estonia, Latvia and Lithuania were part of the membership action plan for five years before they finally met those requirements, so the fear that countries that are given this opportunity would move in a direction quickly is unfounded. And the political will simply is not there, as I think I have outlined on the part of the major actors within the EU who are worried with their own institutional dilemmas: they've been preoccupied with the Lisbon treaty and the Constitutional treaty; before that we still don't know what will happen with the potential Irish referendum in the fall, so I don't see any quick movement

there. But it seems to me that the statement that somehow the Eastern Partnership could be seen as against Russia betrays a sphere of influence or a sphere of interest thinking or a zero-sum game approach to this region, whereas the EU and Russia should both have a common interest in promoting stability, prosperity and the rule of law and would both greatly benefit from having this in their neighbourhood and it's a mystery to me why this should be portrayed by anyone as being conflicting or contradictory for those. And lastly, I would say of course, part of this whole discourse ignores the countries in this question themselves, that they are more the objects rather than the subjects who are making their own free choice of how they ally themselves, who their partners are; and I don't think any of this is necessarily mutually-exclusive. So I'm not overly-optimistic about the prospects for the Eastern Partnership at the moment; I think it's a very small step in the right direction and the documents on Eastern Partnership, of course, leave open the possibility of cooperation with Russia in this neighbourhood as well and I hope that that does happen, to end on a slightly positive note.

ЦЯН НАЙЧЭН, член Исполнительного совета Китайского центра исследований современного мира

Сегодня у меня есть возможность познакомить Вас с нашим видением тенденций будущего развития мира и с антикризисными мероприятиями Китая и их эффектах.

Что касается темы круглого стола, лично считаю, что тема очень важная и очень большая. Как минимум ее можно разделить на две части - первая, тенденция будущего развития мира и вторая, нынешняя китайская ситуация.

Тенденция будущего развития мира тесно связаны с нынешней глобальной ситуацией. У каждого есть своя точка зрения в оценке нынешней кризисной ситуации, и она разная. Но большинство ученых считает, что кризис пока еще распространяется и усугубляется, впереди еще много неопределенности.

Изучая разрешение нынешних проблем, надо учитывать и будущее развитие. Как развивается мир в посткризисный период, многие сегодня уже высказали свое мнение, я во многом согласен. Добавлю еще пять тезисов.

Во-первых, развитие многополярности мира будет ускоряться, при том неопределенные факторы заметно умножаются.

Во-вторых, экономическая тенденция глобализации не изменится обратно, но она будет корректироваться. Усиление контроля и урегулирования станут особенностью этого процесса.

В-третьих, концепция развития стран мира в посткризисный период будет более многообразна. А каждая страна, исходя из собственной реалии и идя в ногу со временем, выберет подходящую себе модель и путь развития.

В-четвертых, сейчас многие произносят новый термин «зеленая экономика». Безусловно, это хорошее слово, но пока еще не видно надежных оснований.

В-пятых, очень популярная концепция в мире G2, кто-то предлагает совместное так называемое господство. Я лично категорически не согласен с этим, кризис это уже показывает. Одна или две страны не могут урегулировать и разрешить глобальные проблемы и не способны спасти весь мир. Глобальную проблему возможно решить путем глобального сотрудничества.